

МОРОЗОВ

Морозов я. Павел Морозов. Если угодно — Павлик. Да, нарекли в честь героя. Старшая сестра придумала. У нас в школе пионерская дружина была имени Павлика Морозова, и она решила, что братику с таким именем будет легче отличиться. Когда я родился, она в пятом классе училась, а уже соображала, что к чему. И не ошиблась. Когда в пионеры вступил, председателем совета отряда выбрали. Кто выбрал? Одноклассники, разумеется. Может, им и подсказали, я не знаю, но какой-то авторитет среди ребят у меня всегда был. Учился средне, но в деревне это не главное. Рос в работающей семье, сноровки поднахватался и за себя всегда мог постоять. Самостоятельным был, а это заставляет уважать. Имя, конечно, помогало, но и обязывало. Особенно в молодости. Гордился своим именем. Когда с кем-то знакомился, представлялся не просто Павлом, а Павлом Морозовым.

Но наступила пресловутая перестройка с переоценкой ценностей. Павлик Морозов из героя превратился в предателя. Не скажу, что мне это повредило. Какой может быть вред? Я взрослый человек и крепко стою на ногах. Могу твердо сказать, что жизненную программу выпол-

нил — воспитал сына, построил дом и посадил дерево. Сын поступил в институт, не пьет, не колется. У меня четырекомнатная квартира почти в центре города, недалеко от работы, и дача. Не какой-нибудь щитовой домик, в котором дует в щели и капает с потолка, а добротная изба, в которой можно жить круглый год, крыльцо высокое, рядом жаркая баня и теплица — на фундаменте, чтобы не гнила. Все своими руками, в отличие от соседа, который пригнал работяг с завода. Слепили быстро, да толку-то — чужое на совесть строить никто не будет. Я бы тоже мог студентов запрячь, все-таки проректор, не рядовой преподаватель, но переделывать после них — себе дороже.

Соседство у нас двойное. Дачи на одной улице, мои окна против его окон, но мои — в резных наличниках, а у него — стандартная вагонка. И живем в одном доме. Мой пол является его потолком. Познакомились на строительстве дач. А через год въехали в один дом. Не сговаривались. Получали от разных организаций. Он у себя на заводе зам по сбыту. С директором, по его словам, вась-вась. И, скорее всего, не врет. Умеет он держаться в компаниях, а чем берет — непонятно: хвастовством или грубостью, анекдоты похабные при женщинах и евреях позволяет, и никто не обижается. Верхушек нахватался и за умного слывет. И артистки у него в любовницах, и журналисты в собутыльниках. Пить, конечно, умеет, не потому, что знает меру, а не берет его ни водка, ни коньяк, ни рассыпуха (он и ей не брезгует). Сколько бы не выжрал, а лишнего по пьянке не болтнет, хоть и балаболит без умолку, ни с кем не поскандалит, анекдотиками отделяется: расскажет и первый начинает хохотать. Случалось, и зацепит кого-нибудь глупой шуточкой, но на него почему-то не обижаются — все сходит с рук любимцу публики.

А я обиделся. Не хочу притворяться — что есть, то есть. Наверное, просто незрело. Терпел, терпел — и лопнул нарыв.

Хорошо помню, что был вторник. В институте случился неприятный разговор. Преподаватель принес заявление и сказал, что надоело вкалывать за гроши «на дядю» и он уходит в кооператив. Молодой толковый мужик, и возразить ему нечем, и пообещать нечего. А вечером позвонил сосед, сказал, что статейку интересную обо мне прочитал и предложил спуститься к нему. Моя услышала про статью и тоже засобиралась, даже бутылку вина прихватила, дескать, неудобно в гости с пустыми руками. Я засомневался — с какой стати появится статья, если ни с какими журналистами я не встречался. Но мало ли... В газетах обо мне никогда не писали — любопытно все-таки. Пришли в благостном настроении. Бутылку дорогого вина выставили. И на тебе — по роже. Читал он, что называется, с толком, с чувством, с расстановкой. При моей жене. И при его. А это, как бы по правильнее выразиться... В общем, у меня с его женой роман. Нет, ничего такого позорного, без всяких пошлостей. Платонический роман. Она мне нравится, и я почти уверен, что нравлюсь ей. А почему бы и нет? Мы с соседом ровесники, но я выгляжу намного моложе, я намного выше, я не разжирел, а у него пивное пузо. Единственное его достоинство — густые кудри с благородной проседью, а мои волосы изрядно поредели. Я укладываю их, стараясь прикрыть недостатки длинными прядями, но все равно заметно. Это у меня наследственное. Я почти не переживаю. Его жена — умная и добрая женщина — глупых намеков на мою прическу не позволяет. Она всегда ставит меня в пример: и то, что я держу себя в спортивной форме, и то, что на даче у меня порядок, шланги для полива смонтированы удобно и надежно, дорожки между грядок

аккуратные, каждый куст смородины огорожен, малина вырезана. И все сады, в одиночку. Не люблю беспорядок. Моя на дачу почти не ездит, у нее аллергия на цветущую смородину или черемуху, она сама толком не знает; короче, не любит в земле копаться, и все мои старания ей до лампочки. А его жена откровенно любит мой участок. Я не слепой, не глухой, не идиот какой-нибудь, чувствую, что нравлюсь ей, но она порядочная женщина, мучается, наверное; но допустить, чтобы между нами произошла физическая близость, она не может: не в состоянии она переступить черту. Даже если узнает, что муж изменяет налево и направо. Подонкам и бабникам почему-то достаются верные жены. А вот моя бы, подзреваю, не удержалась бы. Нет, я не ревную к нему. Он ее терпеть не может, хотя она полностью в его вкусе — высокая, с богатым телом. Получается, что я влюблен в его жену, а он на мою не обращает внимания, почти презирает и не очень скрывает это. Конечно, если бы я узнал, что между ними какие-то шашни, даже подумать боюсь, что бы я с ними сделал, но и его безразличие к моей почему-то злит меня.

Ну зачитал он грязную статейку из желтой газетенки, где пионергероя называют предателем. Мне-то, казалось бы, что с того? Не на меня же помои льют. Подобная грязь рекой текла. Дорвались журналюги до дешевой кормушки. Если им верить, то и героев-панфиловцев не было, и Александра Матросова, и Зои Космодемьянской... Дай им волю, они все обгадят.

Огласил сосед газетную пошлятину и объявил тост: «За то, чтобы наши дети нас не предавали!» Выпили, а на закуску предложил повеселиться и начал зачитывать из той же газеты объявления «Службы знакомств»: «Мужчина 45 лет, рост — 160, вес — 80, хочет познакомиться для создания семьи с девушкой не старше 25 лет, с проживанием на ее жилплощади». Потом еще одно зачитал, третье, четвертое — давясь смехом и подпуская комментарии. Жены хихикали, особенно моя, потом завелась и стала громко возмущаться глупостью и самонадеянностью мужиков. Они веселятся, а мне как-то не до смеха. Злюсь, мрачнею, но все-таки понимаю, что защищать или оправдывать перед ним Павлика Морозова бесполезно, ничего ему не докажешь, желтая газетенка для него авторитетнее. Сидел и чувствовал, как во мне разрастается ненависть. Если бы можно было измерить ее давление, то прибор бы наверняка зашкалило. Я не стал хлопать дверью. Мы досидели положенное время, допили наше вино — и то, что выставил он, почти допили. Продолжили, что называется, дружить семьями, но ненависть моя густела с каждой встречей. Я понял, что не успокоюсь, пока не уничтожу его, не представлял, как это сделаю, но верил, что обязательно что-нибудь придумаю.

В тот день у меня была назначена встреча со строителями: надо было порешать кое-какие вопросы по ремонту в институте. На работу я не поехал и вышел из квартиры за час до встречи. Дом у нас большой, аж на одиннадцать подъездов, а я живу в среднем. Спустился с крыльца и увидел во дворе милицейские машины — штук шесть, не меньше. Первое, что пришло в голову: приехали брать серьезную банду, иначе бы зачем столько техники пригнали. Спросил у мужчины, стоящего на тротуаре. Он огрызнулся: «Проходи, не создавай толпу». Он был в штатском, но я ошибся, принимая его за обыкновенного зеваку. Товарищ был из органов и при этом явно нервничал. Я решил, что операция достаточно серьезная, и, не имея привычки путаться под ногами у людей, выполняющих свою

работу, пошел на остановку. Милиционеры стояли не только вдоль дома, но и вдоль дороги. Один даже на крышу автобусной остановки забрался. И тут я вспомнил, что в город приезжает Ельцин. Трасса из аэропорта проходит по нашей улице, вот и забили все дворы милицией, чтобы снайпер не занял удобную позицию. Видимо, чувствовали большую любовь к всенародно избранному президенту. Сосед мой потом острил, что подобной милицейской опеки не было со времен визита Чан Кай Ши. Откуда у него такая информация — не знаю. Лично я ни разу не слышал, чтобы Чан Кай Ши бывал в нашем городе. И сосед в те годы жил в своем зачуханном леспромхозе, в стороне от наезженных дорог.

Сам я подобное представление видел впервые. Глядя на вереницу сосредоточенных мужчин, выставленных вдоль трассы, я почему-то подумал не о Ельцине и Чан Кай Ши, а о том, что улицы, удаленные от президентского маршрута, предоставлены ворами и бандитам в свободное и безнаказанное пользование — грабьте, убивайте и ни о чем не беспокойтесь, внутренним органам не до вас, они заняты более важным делом. И, можно сказать, накаркал. Когда вечером вернулся домой, жена обрадовалась новостью — парня, живущего на четвертом этаже, расстреляли в собственной машине. Его не любил весь подъезд за наглость и манеру парковаться впритык к крыльцу. Самоуверенный сопляк, называющий себя генеральным директором какой-то компании. Новые русские падки на громкие титулы. Сейчас много развелось всяческих шарашек. Подомнут под себя два-три филиала по торговле порнухой — и уже синдикат или холдинг, которым управляет генеральный директор, а то и президент, с криминальными советниками и заместителями. Расстреляли его из автомата возле речного вокзала, совсем рядом с нашим «белым домом», но уже за пределами охраняемой зоны. Убийц, разумеется, не нашли.

И сосед мой сам подсказал мне план действий. Для того чтобы покразоваться, показать свою крутизну, высказался, в надежде на сочувствие, что и его могли бы так же изрешетить из калашникова, у него тоже за последнее время накопилось много врагов.

А если могли бы — значит, не исключено, что смогут. Почему бы и впрямь не найтись какому-нибудь обиженному или обманутому со слабыми нервами. Подкараулит и убьет.

И на меня уже точно никто не подумает — мы с ним вроде как в дружеских отношениях.

Где достать автомат, я понятия не имею. Да и зачем он — лишний риск, лишние расходы, полагаю, что стоит он не меньше пылесоса. Самый подходящий вариант — бейсбольная бита, чтобы создать иллюзию бандитского заказа. Но и ее надо где-то искать, а это лишние свидетели. Я остановился на обыкновенной монтировке — надежно, удобно и, если завернуть в газету, не бросается в глаза, особенно когда потребуются извобиться от нее. План придумался очень легко. Вырубаю предохранитель на его лестничном счетчике и жду. Он выходит на площадку посмотреть, что случилось. Я спускаюсь к нему, бью монтировкой по голове и быстро поднимаюсь на свой этаж. На всякий случай, если он вдруг услышит мои шаги и оглянется, можно сделать маску из старого чулка. Нашел у жены чулок, примерил, посмотрелся в зеркало — смешное зрелище, но узнать в таком наряде невозможно. И место, куда сбросить оружие убийства, придумал. Через дорожку от нашего дома стоит

продуктовый ларек, а за ним железные гаражи; если бросить монтировку возле стенки, обязательно найдется хозяйственный мужик. Все продумал, все приготовил и, не откладывая, пока не подступили сомнения, дождался вечернего сериала и вышел на площадку с монтировкой, завернутой в газету. На лестнице никого не было. Нажал все три рычажка на предохранителях, быстро поднялся на верхний пролет и уже там натянул маску. Дверь у соседа скрипучая, так что услышал сразу: сначала — противный жалостливый скрип, потом — шлепанье тапок и ворчание. Но голос был женский.

Если бы вышел он. Если бы...

Можно сказать, что она его спасла.

Когда вбежал к себе, сразу же достал из холодильника недопитую бутылку водки. Руки дрожали. Да какое там руки! Всего трясло.

Разве мог я подобное просчитать. Знал, что он ничего не делает по дому, но послать жену разбираться с электрическим щитком? Это за пределами моего понимания. На какое-то время я даже забыл, зачем развел эту канитель. Пил рюмку за рюмкой и хохотал над собой, над своим тщательно продуманным планом. А когда просмеялся, понял, что на вторую попытку я уже не способен. Удивительное дело, но водка протрезвила горячую голову. Стыдобища! Помрачение какое-то. Серьезный мужчина на солидной должности... Надо же было додуматься — вообразить себя бандюганом. И все он: не похвастайся обилием врагов, желающих с ним расправиться, мне бы и в голову подобная глупость не пришла.

Успокоился и стал искать для себя оправдания, дескать, смерть от неизвестного с чулком на лице — слишком легко для него. Надо разрушить его сытое благополучие. И тогда я вспомнил, как три года назад он приехал ко мне на работу в институт и попросил перепечатать на машинке письмо. Я предложил отнести черновик машинистке, но он сказал, что это не для посторонних глаз. У меня в кабинете стояла машинка, которой я почти не пользовался. Но и он печатал одним пальцем, подолгу отыскивая нужные буквы. Даже сам я извелся, глядя на его мучения. Больше часа потел над страницей, а закончив, спрятал бумагу в портфель и достал оттуда коньяк и пару красных яблок.

Любимая тема его разговоров — бабы. Ему не терпелось похвастаться новой подругой. Неделию назад случайно подвез тренершу из плавательного бассейна, взял телефончик и на следующий день подъехал встретить ее с работы, а у нее оказался свой отдельный кабинет с кушеткой для отдыха, крепкая грудь и накаченная задница, даже душ имелся, чтобы чужие запахи в семью не тащить. Рассказывал вздох и радовался удаче, как мальчишка. Уговорили бутылку, потом хватились, что пора домой. Я на работу хожу пешком, а он, как всегда, был на машине; он частенько позволял себе выпить за рулем и как-то не попадался, везунчик, разъезжал по всему городу, а тут — всего пару кварталов проскочить. Когда шли в гараж, он предложил заглянуть к нему на кухню. Продолжать пьянку не хотелось, но я согласился, чтобы лишний раз увидеть его жену. Успел поздороваться, но и только. Не пожелала она присоединиться к нашей компании, сидела перед телевизором и вязала, не могла без дела. А утром я увидел у себя на столе его черновик — забыл по пьяни, увлекся рассказом про тренершу; я, грешным делом, любопытствовал. Это была анонимка на его начальника. В ней подробно описывалось, каким образом часть продукции реализуется налево, описана схема и названы конкрет-

ные люди. Я сложил листок вчетверо и положил в карман, намеревался отдать, если спросит, но он не спросил — вопрос-то щекотливый: наверное, решил, что бумага ушла в мусорное ведро. А я на всякий случай сохранил, вдруг пригодится, чтобы пристыдить его, если начнет сильно запырывать.

Черновик улегся в мою папку с дачными документами, а печатные экземпляры дошли до адресатов. На заводе устроили проверку, начальнику моего соседа пришлось уволиться. Обошлось без лишнего шума, видимо, были замешаны серьезные люди, но цель была достигнута. Сосед занял должность своего начальника. Только никто не мог предположить, что нагрянет шальная волна выборов. Стали выбирать не только президентов, губернаторов, но и директоров. Уволенный выставил свою кандидатуру и вернулся на родной завод с повышением. Вернулся героем, бывшие грешки превратились в достоинства, голосовали за предприимчивого хозяина.

При таком раскладе случайно залежавшаяся в папке с дачными квитанциями бумажка могла сломать жизнь моего самоуверенного соседа. И то, что у меня оказался всего лишь черновик с вычеркнутыми и вставленными словами без точек и запятых, усиливало достоверность бумажки. Ну и почерк, конечно, узнаваемый. Отпираться бесполезно. Но я решил подстраховаться и на обратной стороне листа написал фамилию автора анонимки. Оставалось передать. Отправлять по почте не рискнул, могло затеряться. Тогда я, не мудрствуя лукаво, выбрал самый надежный способ: приехал на завод, передал запечатанный конверт секретарше и сказал, что просили передать лично директору.

По дороге с завода я подумал о повороте, который не учел. А что если взбешенный директор начнет трясти анонимкой перед мордой автора, и тот, естественно, догадается, каким образом она воскресла? Как себя вести? Да никак. Высказать в лицо все, что о нем думаю. Мне бояться нечего. Я чист.

На другой день я заглянул к соседу после работы, рассчитывая увидеть его пьющим от расстройства и рычащим на меня. Ни того и ни другого. Был весел, рассказал, что в автобусе услышал забавное объявление: автотранспортное предприятие принимает на работу водителей мужчин и женщин с возможностью переучивания с категории «Ц» на категорию «Б». Я поправил, что категория не «Б», а «Д». Он рассмеялся: «Объясняю для особо одаренных — Ц, значит целка, а кто такие Б, полагаю, ты знаешь, вот и получается, что Ц переучивают на Б, теперь-то понял?» В общем, обычная для него пошлятина. Но я сразу же подумал, с какой стати он оказался в автобусе? Неужели началось, да так круто, что пришлось пересест на общественный транспорт? Спросил его, с какой стати он оказался в автобусе. Но ожидания мои не оправдались. Сосед буркнул что-то про ремонт и снова к своей хохме: «Представляешь, с категории “Ц” на категорию “Б”!» Я даже не сразу понял, что в этом смешного, и снова уточнил, что категория «Д». Он заявил, что я не понимаю тонкого юмора. Предложил выпить, но я отказался.

И через месяц наши отношения не изменились. Тогда я позвонил директору и спросил, дошел ли до него конверт со старой анонимкой. Он поблагодарил и сказал, что давно знал, кто ее писал, но этот человек ему пока нужен. Даже не поинтересовался, кто звонит.

САТИНОВЫЕ НАРУКАВНИЧКИ

Если ты мужик, значит, поймешь меня, как мужик мужика. Нет, ты послушай. Послушай, а потом скажи — есть справедливость на земле или нет ее, справедливости этой?

Жинка моя... Нет, чтобы понятнее было, расскажу все. Родился я в Даурии, батя сверхсрочником был, старшиной, а когда на пенсию ушел, перевез нас к себе на родину, в Харьков, оттуда меня и в армию призвали, и после дембеля туда вернулся, и женился там. Слесарил на автобазе, нормальная работа была, по материковским меркам получал неплохо, и слева иногда перепадало, через край не переливалось, но хватало и на поест, и на одеться. Жинку-то из общежития взял, на заводе в лаборатории химичила после техникума, пальтишко с искусственным воротником — вот и все приданое. За год одел, обул, откормил — красавица стала, хоть на сцену выпускай, про сцену я так просто ляпнул, к слову пришлось, ни в какие артистки она не метила и в обновках-то недолго форсила, в декрет ушла. Кувыркаться на одну зарплату не очень весело, но все равно терпимо. Другое дело — тесновато в двухкомнатной квартире: батя, мать, братишка и нас двое с четвертью.

Первое время вроде как и умещались, а потом, когда декретный отпуск подоспел, смотрю — похолоданья начались. Жинка вроде сильно и не жаловалась, да как жаловаться сыну на родную мать, то есть не ей родную, а мне — как жаловаться? Так я и сам с понятием, прихожу с работы, старшая сопит, у младшей глаза на мокром месте: немного тямю надо, чтобы догадаться — двум хозяйкам у одной плиты места мало, сколько ни изгибайся, все равно выпуклым местом зацепишься, если не столкнешься, а мамка у меня дородная, и жинка не из худеньких, говорю же — откармливал, грошей на масло не жалел. Возле плиты тесно, возле зыбки — еще тесней: у одной — первый ребенок, у другой первый внук.

День спорят, неделю в молчанку играют, что хуже — неизвестно. Им плохо, а мне с какой стати хорошо будет. На квартиру уходить — с одной зарплатой не больно разбежишься, да и стариков перед соседями позорить нельзя. Кручусь на работе, за каждый калым хватаюсь, а нет калыма, так и за тариф после работы остаться рад, потому что домой идти не хочется. Год отмучился, и на второй легче не стало... А тут земляк из Заполярья в отпуск приехал: по городу только на такси раскатывает и кроме коньяка никакой выпивки не признает. А когда-то на нашей автобазе слесарил. Пришел знакомых навестить, что вы, говорит, за гроши тут спину гнете, двигайте к нам в Заполярье: семьдесят процентов коэффициент и надбавки каждые полгода до шести штук, а потом еще две через год, опять же — снабжение человеческое, мясо дешевле, чем на материке, одна картошка дорогая, так ведь гуляш завсегда сытнее гарнира, крахмал — он только воротничкам крепость дает. Я его про квартирный вопрос, а он опять отмахивается: слесарь — не инженеры, они везде нужны. Я в тот же вечер с жинкой перетолковал, она с устатку и с отчаянья на все согласна, даже первое время готова со свекровью без моей защиты остаться. Мать, конечно, против, не хочет, чтобы сын в такую даль летел здоровье на морозяке гробить. Мать заботится о сыне, жинка о себе печется. У меня сомнения, а жинка уже загорелась и меня распяляет, про мужские обязанности напоминает, будто я без нее не знаю, кто о семье заботиться должен, будто отлынивал до этого...

Оформил документы и подался в Заполярье. Не натрепался земляк, все верно рассказал — и про надбавки, и про строительство, и про мясо с картошкой. Полгода в общаге промаялся и в однокомнатную въехал. Домой письмо написал, она телеграммой ответила, велела встречать через неделю.

Привел ее в новую хату, в собственную, для затравки приbedняюсь трохи, извини, мол, что маленькая, не на век же, мы с тобой не олени, чтоб в тундре жить, заработаем гроши и купим себе на родине какую захотим, приbedняюсь только потому, что вижу, как радуется жинка. Ей хорошо, а мне еще лучше, настоящим мужиком себя вижу в жинкиных глазах. И она себя хозяйкой почувствовала, в первую же субботу потащила меня в магазин трюмо покупать, можно бы и нормальным зеркалом обойтись, но ей, видите ли, собственную мебель захотелось. Трюмо выбрали — апшетит разыгрался: диван требует, как будто на полу спим, я же готовился к ее приезду, кровать у знакомых нашел, почти новую, полуторку, а она — диван... и никаких металлаломов. Я, конечно, мог отказать, гроши-то мои, да характера не хватило, жалость одолела — пусть уж баба потешится после всех стеснений, да и вещь не совсем лишняя, пацана привезем, ему тоже где-то спать надо. Внука-то бабка не пустила с ней, упростила оставить хотя бы на лето, чтобы окреп в теплых краях на здоровом воздухе. Бабка — себе на уме, надеялась, что мы не быстро к новому месту притремся, а все эти вздохи и заверения забрать ребенка при первом случае считала пустыми. Я тоже не шибко в них верил, отпуск заработал, подкатываюсь к жинке, интересуюсь — лететь ли за хлопчиком или гроши на книжку положить, спрашиваю, а сам уверен, что отговаривать начнет от отпуска... и не ошибся. Делает вид, что по сыну тоскует, ну и пусть, только зачем на мать мою напраслину валить, зачем через день да каждый день вздыхать, что старуха ребенка испортит, зачем тень на плетень наводить, когда мы оба по одну сторону этого плетня: чем быстрее накопим на квартиру, тем быстрее на материк вернемся. И, признаюсь, удивила меня жинка, когда собственный отпуск заработала, не посмотрела, что время зимнее, ни овощей свежих, ни фруктов дешевых, а она уперлась — летим и все тут: не совета просит, не рассуждает, а требует — и голос какой-то незнакомый, на Севере, что ли, закалился.

Слетали в отпуск, вернулись втроем, хлопчика в садик сдали — и сразу на работу, жинка вперед меня утикала, она там, в лаборатории своей, очень ко двору пришлась: года не прошло, ее старшей поставили, а после отпуска начальница заместительшей к себе взяла. Оклад жинке добавили, я сначала радовался — с премией да с полярками она меня догнала, а уж с материковскими мужскими заработками и сравнивать страшно. Короче, стала самостоятельной женщиной. И совсем от рук отбилась. Я не про измены говорю — чего не было, того не было, но мне и без посторонних тесно стало с ней в одной квартире: шаг сделаю, а жинка на дороге, слово скажу, а жинка поперек. Раньше только в продуктовый без спроса ходила, а тут и в галантерейный — не советуюсь, взяла как-то и выкинула зарплату нормальной женщины на духи «мадэ ин черт знает откуда» не на день рождения, не на праздник Восьмое марта, а ни к селу ни к городу, среди недели. С такими замашками не только на квартиру не накопишь, но и на обратный билет не наскребешь. Сказал ей, не удержался, а она: и не нужен мне обратный билет, мне и здесь хорошо. Врезать бы ей, чтобы еще лучше стало, и замахнулся уже, да руку отрезвил — с такими рассуждениями она и в суд подать может, в прежние времена

проглотила бы, да и не трогал ее никогда, жалел, вот и выжалел на свою шею. Что за семейная жизнь, когда собственную бабу поучить боишься? А тут еще и квартиру ей пообещали, двухкомнатную. Зачем нам такие хоромы, если не собираемся оставаться? Все эти переезды, новоселья — лишние расходы, и даже не в деньгах дело, я не жадный, так уж, с расстройства болтаю, меня другое прищемило: если она от прибавки в зарплате хвост подняла, так что же с ней будет, когда мы переедем в ее квартиру?

Понимаешь, мужик, ты мне скажи, как мужик мужику, что меня ждало? Слушай дальше: про зарплату ее большую разговора с ней не завожу, про квартиру новую молчать не получается, о том, что квартиру эту ей дают, а не мне — тоже вроде не вспоминаем... а ругаемся каждый день: и неопрятный я стал, и посуду после себя не мою, и в булочную после работы зайти забываю — ну совсем никудышный. А сама после работы приходит и делать ничего не хочет, устала вроде как. А раньше, когда в три раза меньше зарабатывала, разве не уставала? В тот день, когда ей ордер на квартиру получать, с утра из-за чего-то поцапались... и я ей высказал, заявил, что никуда переезжать не буду, она уговаривать — то да се, понимает, что одной с пацаном оставаться не мед. Мне разводиться тоже никакой выгоды, но не сдаюсь, характер держу, хочу, чтобы поняла она раз и навсегда, кто в доме хозяин, условия свои ставлю. Да, видно, опоздал с воспитанием, порченную кобылу лечить бесполезно: она и дослушать меня побрезговала — и нашим же салом да нам же и по сусалам, такое из нее полезло...

Так и разбежались.

Она рассчитывала, что и алименты с моей северной зарплаты ей пойдут, да не на того нарвалась: как только договор кончился, я чемодан в зубы — и на самолет.

Домой возвращаться стыдно было, остановился в Красноярске. Работу искал не денежную, но с жильем, и нашел — хорошему слесарю всегда есть из чего выбирать. Да и не о том голова болела — работа не медведь, — посерьезнее забота встала: как выбрать жинку, чтобы безотцовщину не плодить и во вторые алименты не вляпаться, хотелось поскромнее найти, не обязательно, конечно, с зарплатой в три раза меньше моей, но с чувствительной разницей, чтобы всегда помнила, кто в доме хозяин. Долго выбирал. На вечер «для тех, кому за тридцать» даже сходил, с кем переночевать выбрал, таких там дюже богато, только мне-то совсем другое требуется. Ищешь в одном месте, а находишь совсем в другом. Напарник ногу сломал. Честно признаюсь: медсестры всегда нравились, женщины работающие, и зарплаты у них скромные, вот и отправился в больницу больного навестить и присмотреться заодно. Прихожу, а возле его кровати — жена и еще какая-то женщина. Подругой оказалась. Мы как-то сразу друг другу глянулись, такое и захочешь скрыть — не сможешь. Напарникова жена тоже заметила, что между нами интерес взаимный возник; вышли из больницы — она сразу потерялась, а мы сговорились в кино вместе сходить. Вечером, когда уже возвращались, она мне банк показала, в котором трудится — к слову пришло, надо же о чем-то поговорить; она еще пошутила, что чужих денег много считать приходится, а свои очень редко и в небольших количествах. Я на всякий случай поинтересовался у знающих людей — оказалось чистой правдой.

Свадьбу большую не гуляли, скромненько посидели с общими знакомыми. На первые именины я подарил ей сатиновые нарукавнички, так,

для смеха, шутки ради, сам не пойму, как в голову пришло, в кино раньше видел, что в банках все в сатиновых нарукавничках сидят — и мужчины, и женщины; мода, видно, такая была, а может, просто из экономии, народ-то низкооплачиваемый. Я жену напарника попросил, она и сшила. Подарил, всех гостей рассмешил, она и надела их сразу, не отходя от праздничного стола — удалась шутка. И остальное удалось. Квартиру мою и ее комнату обменяли на приличную жилплощадь в центре города, с доплатой: правда, в долги влезли, но заработал, расплатился. А потом и на дачку скопили, пусть и недостроенную, зато в хорошем месте, а достроить с моими руками нетрудно, и знакомые кое-какие завелись, машины все-таки ремонтирую, а не в конторе бумажки шевелю. Нормально жили. И тут перестройка.

Поначалу вроде и неплохо пошло, подкалымить проще стало, а если водка из магазинов исчезла, так это даже к лучшему, я никогда и не увлекался ей; но зато, если у тебя запасец дома имеется, то самое дефицитное яичко к Христову денечку... с трезвой головой не только дачку достроишь, но и машинешку занять можно. А если можно — значит нужно. Крутись, пока палки в колеса не ставят, если не хочешь упасть — жми на все педали, жми и не оглядывайся. А зачем оглядываться, если за домашние тылы спокоен. Жинка знает, что на машину колочу, расспросами не дергает и гроши на безделушки не переводит. Заполярную бабу даже не вспоминаю. И зачем, спрашивается, было на Севере нос морозить, если и на материке устроиться можно. Короче, живем, сало жуем. У жинки работа чистая, приходит неиздерганная, да тут еще и зарплату немного прибавили, пустячок, а приятно, пообещала на эти гроши запасное колесо к машине будущей купить. Посмеялись и спать легли. А через квартал опять им прибавили, к Новому году — снова. И пошло, и поехало, и до неба поднялось. Надоело людям чужие денежки пересчитывать. Крутись, ловчи, наизнанку выворачивайся, и все равно твои доходы — кучка по сравнению с горой, которую жинка в банке зарабатывать стала... Где справедливость? Если ты мужик, ты должен меня понять, как мужик мужика, неужели за работу в сатиновых нарукавничках столько положено?

Я домой возвращаться боюсь — приду, а она этими сатиновыми нарукавничками возьмет да и по роже мне... и ответить нельзя, морального права нету. Куда деваться, мужик?

